

Лешек Соболевски (Польша)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВВОДА ЯПОНСКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ

В настоящей статье анализируются идеологические причины ввода японских войск во Французский Индокитай в 1940—1941 гг. Цель статьи — доказать, что идеологические причины являются наименее важными, если их сравнивать с политическими и экономическими; сами по себе они не могут считаться основой, на которой выстраивалось решение Японии о вводе войск во Французский Индокитай.

Ключевые слова: Французский Индокитай, Япония, Вторая мировая война, империализм.

The purpose of this paper is to analyze the ideological reasons for the incursion of Japanese troops into French Indochina in 1940- 1941. The author intends to prove that these ideologocal reasons were far less important in comparison with the political and the economic ones, and they can by no means be considered as the main factor behind the Japan's decision to bring troops into the French colony.

Keywords: French Indochina, Japan, Second World War, imperialism.

Настоящая статья является продолжением двух предыдущих работ, в которых автор рассмотрел политико-стратегические¹ и экономические² причины, подтолкнувшие Японию к решению ввести войска во Французский Индокитай в 1940—1941 гг. Хотя, как автор попытается доказать ниже, идеологические факторы не играли

существенной роли в процессе принятия этого решения, тем не менее нельзя сказать, что они полностью отсутствовали. Статья разделена на три части. В первой — автор рассматривает идеологические основы японской политики по отношению к Юго-Восточной Азии в целом. Тема второй части — отношения между Японией и вьетнамскими националистами до начала Второй мировой войны. Третья часть посвящена анализу того, как выглядело на практике применение идеи «освобождения народов Азии» в отношении к Французскому Индокитаю.

1. Идеологические основы японской политики в отношении Юго-Восточной Азии

Как пишет известный историк Иэнага Сабуро, японский политический истеблишмент и генералитет с начала 1930-х гг. не раз публично выдвигали идеологические лозунги, которые должны были убедить общественное мнение как внутри страны, так и за рубежом, что войны, которые ведет империя, ведутся исключительно из благородных побуждений. Нападение на Маньчжурию было совершено под лозунгом «осуществления права на самооборону» (*дзизэй кен но хацудō*). Образованию Маньчжоу-го сопутствовали лозунги об «общей гармонии пяти народов» (*го дзоку кёва*) или создании «радостной земли королевского пути» (*ōdō ракудō но кенсэцу*). Война против Китая объяснялась необходимостью «наказать произвол китайцев» (*бōси ёкō*), «построить новый, лучший Китай» (*кōсэй син сина но кэнсэцу*) или же создать «союз трех государств: Японии, Маньчжоу-го и Китая» (*нити ман схи сангоку но кецугō*).

В период оккупации территорий Юго-Восточной Азии основным идеологическим лозунгом стало создание «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» (*Дай-тоа Кё:эйкэн*)³. В сущности, этот лозунг означал, что основная цель Японии — «освободить» народы Азии, то есть уничтожить колониальную власть Запада на Дальнем Востоке и создать здесь новый международный порядок, центром которого должна стать сама «Страна восходящего солнца».

Последний аспект стоит рассмотреть подробнее. Цель Японии — не освобождение народов Азии, что понимается под тезисом

«право народов на самоопределение». На самом деле, цель — прогнать западных колонизаторов и создать своего рода «семью» народов, где Япония всегда играла бы роль «старшего», а остальным народам отводилось положение подвластных самому главному добру — «Сфере взаимного процветания». У любого народа в масштабах этой «Сферы» было бы столько «независимости», сколько вклада он внес в общее дело. Но эта «независимость» всегда должна была быть основана на признании ведущей роли Японии⁴.

В японской политике уже в первой половине 1930-х гг. стали проявляться антизападные и антиколониальные направления. В 1934 году директор Информационного отдела МИД Амо Эйити обнародовал заявление, вошедшее в историю под названием «декларация Амо» (*Амо-сэймэй*). Согласно этому заявлению, Япония является единственной страной, ответственной за сохранение мира на Дальнем Востоке, любое же вмешательство других государств (имелись в виду западные державы) осуждалось. Данную декларацию рассматривали как японский вариант доктрины Монро⁵. 3 ноября 1938 года в выступлении по радио премьер-министр Коноэ Фумимаро провозгласил, что цель японской политики — создание Нового порядка в Восточной Азии (*Тоа синтицудзё*), «новой системы, основанной на мире и справедливости», в которой Япония должна была защитить Китай от «империалистических устремлений великих держав». Однако данные декларации еще не были обращены непосредственно к Юго-Восточной Азии, акцентируясь лишь на Китае. Переломным моментом стало заявление министра иностранных дел Ариты Хатиры, сделанное по радио 29 июня 1940 года. Министр провозгласил в нем программу создания «нового порядка в Восточной Азии, в котором Япония должна была играть роль «стабилизирующей силы» (*антэй сэйрёку*) и который должен был распространиться на «все страны Юга» (*нан'ё сётихо*) Таким образом, Япония впервые объявила о своих претензиях на специальный статус не только в Восточной Азии, но и во «всех странах Юга» (т. е. в ЮВА)⁶.

22 июля 1940 года был сформирован второй кабинет Коноэ Фумимаро, в котором должность министра иностранных дел занял Мацуока Ёсукэ. На своей первой пресс-конференции Мацуока заявил о стремлении Японии создать «Великую восточноазиатскую сферу

взаимного процветания». Это выступление — первый раз, когда японские политики использовали данный термин. Согласно Мацуоке, сначала Сфера должна была распространяться на Китай, Японию и Маньчжоу-го⁷. Данное заявление нашло свое подтверждение в принятом кабинетом Коноэ документе «Основопологающие принципы политики государства» (*Кихон кокусаку ёко*). Японское правительство заявляло, что будет стремиться учредить «новый порядок в Большой Восточной Азии» (*Дай Тоа синтицудзё*). Употребление термина «большая» свидетельствовало о том, что у Японии существуют интересы не только в Восточной, но и в Юго-Восточной Азии⁸.

Однако идея о создании Сферы взаимного процветания не сразу стала доминирующей во внешней политике Японии. Во время разработки планов ведения военных действий генералитет сухопутных сил придерживался мнения, что целью войны должна быть не только «самообеспеченность и самозащита» (*дзидзон дзиэи*) империи, но также и создание Сферы. Командование флота считало нужным ограничиться только первым из этих лозунгов. Только после императорского совещания 6 сентября 1941 года начало преобладать мнение, что обе эти цели имеют равное значение и осуществление одной из них невозможно без реализации другой⁹.

12 декабря 1941 года, через четыре дня после атаки на Пёрл-Харбор, японское правительство заявило, что с этих пор война на Тихом океане, как и в Китае, будет официально называться «войной в Великой Восточной Азии» (*Дайтоа сэнсо*), а целью этой войны станет создание «Нового порядка в Великой Восточной Азии» (*Дайтоа Синтицудё кэнсэцу*)¹⁰. Иными словами, официальная пропаганда называла освобождение народов Азии от ига колониализма главной задачей войны.

2. Отношения между Японией и вьетнамскими националистами до начала Второй мировой войны

Как воспринималась японская концепция «освобождения народов Азии» националистическими течениями в Индокитае? Наиболее отчетливо это можно проследить на примере Вьетнама, поскольку

среди всех владений Франции в Индокитае именно здесь было наиболее развито национально-освободительное движение. Во Вьетнаме уже существовала своего рода традиция восприятия Страны восходящего солнца как потенциального освободителя страны от иностранного ига. Победа Японии в войне с Россией в 1905 году подтолкнула многих вьетнамских националистических деятелей к мысли, что Япония — единственное государство в Азии, которое не только сохранило свою независимость, но и превратилось в мировую державу — эта та страна, с которой стоит брать пример и на которую нужно ориентироваться. Один из них, Фан Бой Тяу, в 1905 году приехал в Японию с целью купить там оружие и получить политическую поддержку для планирующегося восстания во Вьетнаме. Оружия получить ему не удалось, но этот визит открыл Фан Бой Тяу глаза на необходимость воспитать новую вьетнамскую элиту, получившую японское образование.

После возвращения на родину он выдвинул лозунг «Движение на Восток» (*Đông Du*), призывая молодых людей ехать в Японию на обучение. В рамках «Движения на Восток» в Японию уехал принц Кыонг Де — представитель императорского рода, председатель основанного Фан Бой Тяу в 1904 году «Общества обновления Вьетнама» (*Việt Nam Duy Tân Hội*). Вместе с ним на учебу поехало от 100 до 300 вьетнамцев. Те из них, кто смог быстро овладеть японским языком, поступили в японские училища¹¹.

Реформистское направление во вьетнамском националистическом движении также искало образцы для подражания в опыте Японии. Интеллигенция, придерживавшаяся подобных взглядов, полагала, что независимости можно добиться не путем вооруженной борьбы, а только в результате глубинных преобразований самого общества, где должны быть распространены западное образование и идеи. Идеолог этого направления, Фан Тяу Чинь также побывал в Японии, где, в частности, посетил известный токийский университет Кэйо (*Keio Gijuku*), основанный выдающимся японским мыслителем Фукудзавой Юкити. Это высшее учебное заведение стало образцом для созданной в 1907 году в Ханое Тонкинской общественной школы (*Đông Kinh Nghĩa Thục* — слова «*Nghĩa Thục*» собственно и соответствуют японскому «гидзюку»), в которой пытались внушить

учащимся современные знания и идеи. Преподаватели, в частности, говорили на занятиях о Японии как о быстроразвивающейся, достойной подражания стране, в отличие от «отсталого» Китая. С точки зрения французских властей деятельность школы являлась подрывной, поэтому ее вскоре закрыли, преподавательский же состав подвергся репрессиям. Тем не менее, Тонкинская общественная школа оказала влияние на целое поколение вьетнамской интеллигенции¹².

«Движению на Восток» также не было суждено долгое существование. Париж быстро узнал о вьетнамских учащихся в Стране восходящего солнца и начал оказывать давление на Токио. В конце концов, в 1909 году почти все вьетнамские студенты, в том числе принц Кыонг Де и Фан Бой Тяу, были высланы из Японии¹³. Данные события надолго сохранились в памяти вьетнамских националистов. Большинство участников «Движения на Восток» разочаровались в Японии и стали возлагать надежды на республиканский Китай (тем не менее, Фан Бой Тяу еще несколько раз посещал Японию, но безрезультатно). По-другому сложилась жизнь Кыонг Де. В 1915 году он вернулся в Японию и проживал там под видом китайца до начала Второй мировой войны. В этот период он пользовался финансовой поддержкой нескольких известных японских политиков, осведомленных о том, кем он является на самом деле. Это, прежде всего, Инукай Цуёси, являвшийся премьер-министром в 1931—1932 гг. После его убийства в 1932 году его место занял генерал Мацуи Иванэ, который в 1930-е гг. организовал особое «Общество второго месяца» (*Kisagari-kai*), в состав которого вошли близкие к нему офицеры и члены ультранационалистической организации «Амурский союз», или же «Общества чёрного дракона» (*Кокурюкай*). Задачей «Общества второго месяца» было оказывать финансовую поддержку Кыонг Де. В это время Кыонг Де несколько раз совершал поездки в Китай, где пытался наладить связи с милитаристами и местной вьетнамской диаспорой. По-видимому, именно в Китае он надеялся создать базу для формирования национально-освободительного движения, Япония же для него являлась лишь местом пребывания, где можно было без особого труда найти средства к существованию¹⁴.

Начало японо-китайской войны в 1937 году заставило принца изменить свои планы. Он начал думать, что добиться освобождения

Вьетнама можно при поддержке Японии, для этого только нужно было добиться от нее военной и финансовой помощи. Тем не менее, письма Кыонг Де того периода говорят о том, что союз со Страной восходящего солнца он считал временным и конъюнктурным. В ноябре 1937 года Кыонг Де посетил Гонконг, где смог связаться с группой вьетнамских националистов, имевшей штаб-квартиру в Гуанчжоу. Часть из них откликнулась на его призыв и перебралась в Гонконг, где с 1938 года стала получать денежную помощь от японской армии, точнее — от полковника Ватиего Ёдзи (*Wachiego Yoji*) из так называемого Агентства орхидеи (*Pan Kikan*), организации, имевшей штаб-квартиру в Шанхае, задачей которой являлось налаживание контактов с милитаристами Юга Китая против Чан Кайши. В феврале 1939 г. в Шанхае для Кыонг Де была организована встреча с рядом вьетнамских националистических деятелей из Гуанчжоу и Сиам. На ней была создана Лига национального возрождения Вьетнама (*Việt Nam Phục Quốc Đồng Minh Hội*), целью которой стало создание независимого Вьетнама в форме конституционной монархии. Председателем Лиги стал Кыонг Де, а штаб-квартирой — Токио. Надо отметить, что из восьми человек исполнительного комитета пять побывали в Японии в рамках «Движения на Восток», один — позднее.

Вместе с тем Лига не смогла стать центром консолидации вьетнамской диаспоры в Китае. Причиной этому послужил тот факт, что подавляющее ее большинство поддерживало Китай в его борьбе с Японией. Но участниками организации были сделаны попытки наладить связь с различными группировками в самом Французском Индокитае, о чем будет сказано ниже. В это же время по рекомендации полковника Вати участники Лиги начали сотрудничество с японской разведкой — с Органом особого назначения (Токуму Кикан) 21-й армии, расквартированной в провинции Гуандун. Сотрудничество, с одной стороны, заключалось в пропагандистской деятельности, которую вели вьетнамские активисты среди китайцев (в частности, было создано Культурное общество Южного Китая (*Hoà Nam Văn Hóa Hội*)), с другой стороны — в создании при поддержке японской армии вьетнамской военной организации, во главе которой встали Чан Чунг Лап (переехавший в Наньнин из Ханоя в июле — начале августа 1940 г.) и Хоанг Лыонг¹⁵.

Начало войны в Европе открыло перед вьетнамскими прояпонскими активистами новые возможности для деятельности. В это время генерал-губернатор Тайваня выступил с предложением о начале радиовещания на вьетнамском языке из Тайбэя, на что получил согласие Восьмого отдела Генерального штаба армии (Отдел секретных операций). Целью передач являлось противодействие французской пропаганде, но не агитация за свержение французской власти и за независимость для Индокитая. За помощью в организации радиовещания обратились к принцу Кыонг Де. В октябре 1939 года он и еще ряд членов Лиги прибыли в Тайбэй, где до конца года была создана вьетнамская редакция, которая начала выпускать ежедневные передачи. Отметим, что, по-видимому, Восьмому отделу не было известно о сотрудничестве Лиги с разведкой 21-й армии и с полковником Вати. Это демонстрирует отсутствие связи между различными разведывательными органами Японии, каждый из которых играл свою игру¹⁶.

Летом 1940 года стало понятно, что японские войска в скором времени должны войти в Индокитай. В это время по просьбе японских властей собравшиеся в Тайбэе члены Лиги начали обучать офицеров, которые должны были принимать участие в вводе японских войск в Индокитай, вьетнамскому языку¹⁷. В сентябре 1940 года начался ввод японских войск в Индокитай, в котором члены Лиги также приняли участие. В ночь с 22 на 23 сентября их группа пересекла границу и сразу же занялась формированием так называемой Армии возрождения Вьетнама (*Việt Nam Kiến quốc Quân*). До конца месяца им удалось завербовать от полутора до двух тысяч человек, по большинству перебежчиков или военнопленных из французских вооруженных сил. Отряды получали оружие от японцев. Командиром стал Чан Чунг Лап. Однако их деятельность была быстро остановлена. Япония заключила с Францией договор о прекращении боевых действий и прекратила поддержку отрядов Чан Чунг Лапа, часть которых была вынуждена вернуться в Китай, а часть — во главе с самим Чанг Чунг Лапом осталась на территории Тонкина для продолжения борьбы. Однако при отсутствии помощи у этих сил не было никаких шансов на победу. Сразу после отвода японских сил французы разбили оставшиеся на территории Вьетнама силы Лиги, а 26 декабря схватили и казнили Чан Чунг Лапа¹⁸.

Как мы уже отмечали выше, группа принца Кыонг Де пыталась наладить отношения с различными объединениями внутри Французского Индокитая. Огромную помощь в этом деле оказал принцу Яманэ Доити — заведующий индокитайским отделением Тайваньской колониальной компании (*Тайван Такусеку Гайся*), проживавший в Индокитае с 1937 года. Его ханойский дом посещали представители разных вьетнамских политических организаций, а также студенты и преподаватели Индокитайского Университета¹⁹. Группировки, с которыми Кыонг Де пытался установить отношения, можно разделить на три вида. Первые — это антифранцузски настроенная феодальная, чиновничья и ученая знать, готовая к сотрудничеству с Кыонг Де не из-за симпатий к Японии, а в связи с тем, что он относился к императорскому роду и слыл известным борцом за независимость. Среди представителей этой прослойки Кыонг Де связался прежде всего с Нго Динь Зьемом и его последователями. Однако конфуцианское ученое сословие составляло лишь небольшую изолированную группу, не способную влиять на массы²⁰. Второй вид — это представители ультранационалистической интеллигенции, сгруппировавшиеся вокруг образованной в 1939 году (возможно в 1940 году) известным ханойским писателем Нгуен Тьонг Тамом (Нят Линь) Национальной партии Великого Вьетнама (*Đại Việt Quốc dân đảng*)²¹. Данная организация считала Японию примером для подражания, видя в ней азиатскую страну, сумевшую осуществить успешную модернизацию. Вместе с тем внутренняя организация партии была слабой — многие фракции проводили независимую друг от друга политику, к тому же она имела слабую массовую поддержку, так как со дня своего образования позиционировала себя в качестве элитарной партии²².

Поддержку относительно широких слоев населения мог дать Кыонг Де только союз с политико-религиозными сектами Южного Вьетнама. Наладить контакт с ними принцу помог японский бизнесмен Мацусита Мицухиро — владелец компании Дайнан Коси (Компания Великого Юга). Он создал для Кыонг Де — и для Японии, поскольку существует много доказательств, что он также являлся агентом японской разведки — сеть сотрудников, прежде всего в Кохинхине. Наиболее важным из них являлся Фам Конг Так —

«папа»одной из четырех ветвей секты Као Дай, так называемый секты из провинции Тэйнинь. Контакты каодаистов и японцев начались в 1938 году, хотя возможно и несколько раньше. В начале того года на спиритических сеансах Као Дая стали предсказывать войну, а также появление японских сил и возвращение принца Кыонг Де. Должно это было случиться с наступлением восьмого месяца по лунному календарю. Секта стала собирать деньги для оказания помощи находившемуся в Японии Кыонг Де.

Возможно, это была игра японцев с целью оказать давление на французское правительство на проходивших в это время переговорах о прекращении военных поставок Чан Кайши. Первоначально французы отказались от принятия решительных мер против деятельности секты Као Дай (у нее были высокопоставленные сторонники в Париже). Тем не менее, деятельность ее была взята под пристальное наблюдение. В октябре 1938 года французская тайная полиция Сюртэ провела обыск в сайгонском офисе Дайнан Коси, где были обнаружены компрометирующие материалы. Мацусита был заочно осужден, а также был лишен права въезда во Французский Индокитай. Когда в восьмом месяце предсказываемые события не произошли, поддержка Као Дая заметно снизилась, а сама секта начала проявлять полную лояльность по отношению к французам. Однако агентурная сеть, созданная Мацуситой, сохранилась и была использована японцами в ходе войны²³.

В своих попытках найти сторонников во Французском Индокитае японцам надо было не только преодолеть сопротивление французских властей, но также и недружелюбное отношение вьетнамского общественного мнения. Большинство вьетнамцев было возмущено действиями Страны восходящего солнца в Китае. Еще в 20—30-х гг. XX века вьетнамские интеллектуалы в своих заявлениях отмечали Японию как страну, достойную подражания. Однако после агрессии империи в Маньчжурии у многих бывших сторонников Японии стали возникать сомнения, пользуется ли эта страна плодами модернизации в благих целях. После же начала в 1937 году японо-китайской войны почти все печатавшиеся во Вьетнаме авторы, поддержали Китай (хотя надо помнить, что прояпонские публикации не пропускались в печать французской цензурой). В публикаци-

ях того времени неоднократно повторялось мнение, что вьетнамцы различных политических убеждений должны создать единый фронт борьбы против японского империализма. В частности, звучали призывы к Франции обеспечить безопасность Индокитая путем частичного вооружения населения. Решительный антияпонский курс приняли и коммунисты. В 1939 году Во Нгуен Зиап опубликовал статью, в которой подчеркивал, какой опасностью являются для Индокитая японские «карликовые звери», и отмечал (в какой-то степени пророчески), что французские «колониальные реакционеры» решатся лучше сотрудничать с Японией, нежели чем раздать жителям оружие для самозащиты²⁴. Тем не менее, несомненно, что в канун войны Япония могла рассчитывать на поддержку ряда вьетнамских групп, однако массовой ее назвать сложно.

3. «Освобождение народов Азии» и Индокитай

Какова была реализация идеи «Освобождения народов Азии» в случае с Индокитаем? 26 июня 1940 года, то есть в то время, когда решался вопрос о вводе японских войск во французские колониальные владения в Юго-Восточной Азии, Нагата Ясукити — чиновник МИДа, служивший в 1930—1933 гг. консулом в Ханое и поэтому считавшийся в министерстве экспертом по данным территориям, — разработал документ, озаглавленный «Проект срочных мер в отношении Французского Индокитая» (*Фуцурё Индосина ни тай суру кинкю соти ан*). Согласно данной бумаге, народы Индокитая, прежде всего кхмеры и вьетнамцы, обладают долгой историей и богатой культурой, однако после французского завоевания эти народы низведены до «жалкого положения»: они потеряли свою культуру и духовные богатства, стали праздными, «нецивилизованными и примитивными». Речи французских колонизаторов, будто бы они несли отсталым народам плоды просвещения и достижения западной цивилизации, — это всего лишь пропаганда, нацеленная на обман мирового общественного мнения. Нагата полагал, что если сравнить Французский Индокитай с Таиландом и колониями Японии (Тайва-

нем и Кореей), то будет заметно безусловное преимущество последних. Поэтому-то Япония могла подчинить себе Индокитай, используя поддержку местных жителей, а также ввести население данных территорий в создаваемую восточноазиатскую общность народов. Империи это было бы выгодно, потому что таким образом она получила доступ к индокитайским ресурсам. Нагата полагал, что необходимо как можно быстрее собрать людей, настроенных бороться за независимость Аннама, и создать из них что-то вроде временного правительства под японским контролем. Что касается Камбоджи и Лаоса, то Нагата не исключал, что эти две страны будут присоединены к независимому Аннам, однако решение этой задачи предлагал отложить на более поздний срок. Чиновник МИДа изложил свои мысли более подробно в опубликованной 3 июля 1940 года в газете «Асахи Симбун» статье «Огромные минеральные ресурсы дремлют в изолированной стране. Глубокая ненависть аннамитов» (*Сакоку ни неру сигэн бакудай. Аннандзин но аями ва фукаси*). Здесь говорилось, что аннамиты только внешне кротко терпели французское иго, на самом же деле укоренившаяся внутри них ненависть может в любой момент прорваться в виде антифранцузского восстания. Таким образом, у Японии есть возможность использовать это национально-освободительное движение в своих целях²⁵.

Не все японские дипломаты разделяли оптимизм Нагаты. Так, работавший в Ханое дипломат Ямада Тосио в июне 1940 года писал в своей секретной депеше в Министерство иностранных дел: хотя и можно ожидать, что во вьетнамской чиновничьей среде начнется антифранцузское движение, но крайне неправдоподобным кажется то, что этой элите удастся привлечь народные массы к борьбе за независимость и что она будет способна создать организованное массовое движение. Причиной этого, по мнению автора депеши, является «исторически обусловленные наклонности (вьетнамцев — Л.С.) к подчинению», а также их низкий образовательный уровень. Поэтому некоторые вьетнамские интеллектуалы сами признавали, что у их страны сейчас нет возможности добиться независимости, и надеялись только на то, что японцы займут место французов. Они утверждали, что лучше бы японцы управляли ими, поскольку японцы одного цвета кожи с вьетнамцами. Эти интеллектуалы с нетерпением

ем ожидали армию Страны восходящего солнца²⁶. 5 июля Судзуки Рокуро, японский консул в Ханое, писал министру иностранных дел, что аннамиты — это народ, лишенный силы духа и не способный жить независимо. Однако он отмечал, что среди них господствуют прояпонские настроения²⁷.

В этот же период был написан еще один документ, где упоминались вьетнамские националисты, однако в совершенно ином ключе. В июле 1940 года в Генеральной ставке Военно-морского флота появился проект записки, где утверждалось, что французская власть над Индокитаем пошатнулась, власти больше не в состоянии контролировать вьетнамских и китайских националистов, поэтому японским гражданам здесь угрожает опасность со стороны этих политических групп. Необходимость ввода войск Японии в Индокитай обосновывалась защитой интересов граждан империи²⁸. Иными словами, для военно-морского флота Японии наличие на французских территориях национально-освободительного движения было важно лишь только с одной точки зрения — в качестве предлога для ввода войск.

Стоит отметить, что все три вышеперечисленные представителя дипломатических служб империи считали, что народы Индокитая — отсталые, примитивные и неспособные добиться независимости от французского ига собственными силами. Это убеждение сохранялось и позже. Так, 27 января 1942 года Институт тотальной войны (*Сорякусэн Кэнкюдзё*) выпустил документ, озаглавленный «Основы проекта создания Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания». В нем утверждалось, что «хотя аннамиты и имеют длительную историю независимости..., тем не менее уровень этого народа настолько низок, а его политические способности настолько ничтожны, что он не способен жить в полной независимости. Поэтому еще долгое время аннамиты будут нуждаться в нашем покровительстве, хотя в расовом плане они все-таки будут независимыми»²⁹. «Независимость в расовом плане» означала, что новыми хозяевами вьетнамцев будут японцы — люди общей расы, а не «белые» французы. Между тем, такое отношение к народам Индокитая отличало в то время не только японских официальных лиц. К примеру, президент США Ф.Д. Рузвельт, один из ярых адвокатов унич-

тожения французской власти в Индокитае, назвал в частном разговоре со Сталиным жителей этих территорий «маленькими людьми» (*people of small stature*), которые лишь после режима длительного международного протектората будут способны наслаждаться независимостью³⁰.

Вместе с тем покровительственное отношение по отношению к жителям Индокитая было характерно не для всех японцев. У многих оно было больше того — просто презрительное. Доказывает это депеша от 3 октября 1940 года атташе Генерального консульства в Ханое Хаги Сиро. В ней говорилось, что 28 сентября Хага встретился с генералом Нисиуру Сусуму, командиром экспедиционного корпуса, только что прибывшего в Индокитай, и начальником его штаба полковником Тё Исаму. Во время разговора оба офицера настаивали на как можно скорейшем открытии публичного дома для военных (*уандзё*). По их словам, цель этого — не позволить дисциплине солдат ослабнуть: «хотя аннамские женщины по своему развитию не выше животных, но все-таки они женщины, и неизвестно, что наши солдаты смогут с ними сделать». Естественно, такие намеки делались исключительно в частных разговорах. Японская же пропаганда того времени описывала прием, устроенный вьетнамским населением японским солдатам, как «радушный». Пресса писала, что «в лице Японии — ведущей стране Восточной Азии аннамиты хотят найти поддержку»³¹. Тем не менее, стоит отметить, если такое презрительное и надменное отношение к местному населению позволяли себе высокопоставленные представители военной элиты, то что можно говорить про большинство простых солдат.

Несмотря на свою низкую оценку уровня развития народов Индокитая, во время переговоров с индокитайским правительством японцы умело пользовались угрозой восстания вьетнамцев против колониальной власти, чтобы заставить французов пойти на уступки. 12 июля 1940 года японский представитель на этих переговорах, полковник Сато, высказал «опасение», что в случае ввода большого количества японских войск на территорию Северного Вьетнама, население может «ошибочно понять», будто началось японское наступление, и тогда положение французов может «очень резко ухудшиться». Но в то же время японский офицер обещал, что если фран-

цузы исполняют японские требования, тогда армия Микадо предпримет все возможные шаги, чтобы «объяснить» населению Индокитая, что Франция и Япония сохраняют дружественные отношения, благодаря чему можно будет избежать антифранцузских мятежей³².

Действительно, план действий в случае ввода войск в Индокитай разработанный Императорской Верховной Ставкой (Дайхон'эй) от 15 сентября 1940 года предусматривал, что если конфликт с французами окажется неизбежным, японцы используют все пропагандистские средства, чтобы призвать вьетнамцев к борьбе за независимость и за создание «новой Восточной Азии». Но если французы не будут сопротивляться вводу японских войск, Япония немедленно прекратит любую подрывную антифранцузскую деятельность и не будет поддерживать вьетнамских националистов³³. Как известно, французы в конечном счете согласились пустить на свою территорию японских солдат, после чего Япония перестала поддерживать группу Чан Чунг Лапа, что закончилось ее ликвидацией.

5 октября 1940 года японская военная миссия в Ханое (так называемая «миссия Сумиты»)³⁴ отправила депешу министру армии генералу Тодзё Хидеки. Ее автор высказал мнение (которое, согласно автору депеши, разделял также командир экспедиционного корпуса генерал Нисиура Сусуму), что в данный момент главная задача Японии — обеспечить поставки из Индокитая стратегических видов сырья. Ради достижения этой цели, считал он, надо сохранить стабильность на территории французской колонии, а это можно сделать лишь путем поддержания «мирных и дружественных» отношений с французской администрацией. Поэтому Япония должна прекратить всякие попытки подорвать колониальную власть и призывать народы Индокитая к восстанию. Кроме того, согласно автору депеши, антифранцузские группы во Вьетнаме не имеют реальной силы, поэтому их поддержка со стороны Японии не будет целесообразной. Конечно, сотрудничество между Японией и некоторыми националистическими вьетнамскими группировками не было полностью исключено, но оно должно было вестись в тайне и очень осторожно³⁵.

Можно сказать, что в этой депеше были изложены все основы политики Страны Сакуры в отношении Французского Индокитая в

1940- 1945 гг. Японские военные и политики прежде всего заботились о том, как воспользоваться индокитайской территорией для того, чтобы достигнуть своих геополитических целей, а также о том, как обеспечить поставки в Японию индокитайских товаров и сырья. С этой точки зрения самым выгодным для них решением было оставить на месте французскую администрацию. Японцы знали, что французы готовы пойти на любые уступки и исполнить все требования Японии ради того, чтобы сохранить свою власть в Индокитае. В то время как свержение французской администрации могло привести к хаосу, для преодоления которого Японии пришлось бы тратить много времени, денег и солдат. В итоге основой японской политики в отношении Индокитая вплоть до 1945 года стал лозунг «сохранить стабильность» (*сэйхицу ходзи*).³⁶ Тем самым освобождение народов Индокитая из-под колониального ига было отсрочено на неопределенный срок.

Заключение

В настоящей статье автор попытался проанализировать идеологические обоснования экспансии Японии во Французском Индокитае. Не подлежит сомнению, что идеологические причины являются наименее важными, если их сравнивать с политическими и экономическими. Это подтвердил и последующий ход событий: после ввода войск никакого «освобождения» местных народов не произошло. Индокитай оказался единственной территорией в Юго-Восточной Азии (кроме Восточного Тимора), где Япония сохранила прежнюю колониальную власть почти до самого конца войны, то есть до марта 1945 года. Идеологические штампы об освобождении народов Азии от европейского колониализма оказались слабее геополитических интересов. Даже когда уже было принято окончательное решение о том, что французский колониализм в Индокитае будет ликвидирован, в правящих кругах Японии все еще продолжался спор, надо ли после переворота дать индокитайским народам возможность провозгласить независимость или следует оставить их под прямым управлением японской военной администрации.

Примечания

¹ Соболевски Л. Причины ввода японских войск во Французский Индокитай // Вьетнамские исследования. Выпуск 3. М., 2013. С. 160—182.

² Соболевски Л. Экономические причины ввода японских войск во Французский Индокитай // Вьетнамские исследования. Выпуск 4. М., 2014. С. 192—205.

³ Ienaga S., Taiheiyo senso, Iwanami Shoten, Tokyo. С. 193.

⁴ Hatano S., Taiheiyo senso to Ajia gaiko, Tokyo Daigaku Shuppansha. Tokyo, 1996. С. 57—58.

⁵ Palasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski 1918—1941, «Nozomi». Warszawa, 1998. S. 93; Jones F. C. Japan's New Order in East Asia, its Rise and Fall, 1937—45. Oxford University Press, London, New York, Toronto, 1954. P. 21.

⁶ Jones F. C. Op. cit. P. 78—79; Ienaga S. Op. cit. P. 168.

⁷ Kobayashi H., Nihon gunseika no Ajia — «Daitoa kyōeiken» to gunpyō, Iwanami Shoten. Tokyo, 1993, P. 65.

⁸ Palasz-Rutkowska E. Op. cit. P. 149.

⁹ Hatano S. Op. cit. P. 8.

¹⁰ Hatano S. Op. cit. P. 9.

¹¹ Большинство вьетнамцев, приехавших в Японию, поступило в токийское Училище общей культуры (Добун сеин). Эту школу основал японский политик Касивабара Бунтаро (1869—1936) и предназначалась она в основном для китайских студентов. Ее образовательная программа была схожа с программой японских гимназий за тем лишь отличием, что была немного упрощена. Количество вьетнамских учащихся здесь составляло от 60 до 200 человек (Marr D. G. Vietnamese Anticolonialism, 1885- 1925. University of California, Berkeley, Los Angeles, London, 1971. P. 140). Сам Кьонг Де и еще 5 других вьетнамцев начали обучение в военном училище Синбу Гакко. Оно было основано в 1903 г. в качестве школы для подготовки молодых людей к поступлению в Военную академию Императорской армии Японии (Рикугун сикан гакко) (Goscha C. E. Building force: Asian origins of twentieth-century military science in Vietnam (1905—54) // Journal of Southeast Asian Studies, 2003, № 34 (3). P. 538). Подробнее о «Движении на Восток» см.: Vinh Sinh, Phan Bội Châu and the Đông-du movement. New Haven, CT, USA Council on Southeast Asia Studies, Yale Center for International and Area Studies, 1988; Shiraishi M. Phong trào dân tộc Việt Nam và quan hệ của nó với Nhật Bản và Châu Á. Tư tưởng của Phan Bội Châu về văn hóa và thế giới. Hà Nội : Chính Trị Quốc Gia, 2000; Marr D. G. Vietnamese Anticolonialism... Op. cit. P. 98—145; Nguyen Tien Luc. Op. cit. P. 67—143.

¹² Marr D.G. Vietnamese Anticolonialism... Op. cit. P. 154—184.

¹³ Ibid. P. 145—155.

¹⁴ Ibid. P. 236—239; Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League and the 1940 Insurrection. Waseda University, COE — Creation of New Contemporary Asian Studies, 2004. P. 6—10.

¹⁵ Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League , p. 10—27. Tachikawa K., Dainiji sekai taisen no Betonamu dokuritsu undo to Nihon // Boei kenkyūjo kiyo , Dai 3 ken, dai 2 go (2000 nen 11 gatsu), С. 70—71.

¹⁶ Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League. Op. cit. P. 27—30.

¹⁷ Ibid. P. 32.

¹⁸ Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League. Op. cit. P. 42—44; Tachikawa K. Dainiji sekai taisen ... Op. cit. P. 71—72; Phong trao chong phat xit, chong chien tranh va cac cuoc khoi nghia Bac Son, Nam Ky. Ed. by Do Luong, Tran Huy Lieu, Van Tao. Hà Nội : Nha Xuat Ban Van Su Dia, 1957. Tr. 11; Hesse d'Alzon C. L'armee francaise d'Indochine pendant la Seconde Guerre Mondiale // L'Indochine francaise 1940—1945, ed. par Paul Issoart. Presses Universitaires de France, Paris, 1982. P. 91.

¹⁹ Tachikawa K. Dainiji sekai taisen ... Op. cit. P. 74. Стоит подчеркнуть, что именно Яманэ помог Чан Чунг Лапу завязать отношения с японскими офицерами, членами миссии Нисихары, а потом переехать в Китай (Tachikawa K. Dainiji sekai taisen... Op. cit. P. 71).

²⁰ Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League. Op. cit. P. 24.

²¹ Patti A. L. A. Why Viet Nam? Prelude to America's Albatross. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London. P. 504. Этот автор указывает 1940 г. в качестве даты образования партии. Но согласно другим исследователям, она была основана еще в 1939 г. (Tonesson S. The Vietnamese Revolution of 1945. Roosevelt, Ho Chi Minh and de Gaulle in a World at War. International Peace Research Institute, Oslo, 1991. P. 98).

²² Truong Buu Lam. Japan and the Disruption of the Vietnamese Nationalist Movement // Aspects of Vietnamese History, ed. by Vella W. F. The University Press of Hawaii, 1973. P. 255.

²³ Интересна биография Мацуситы. Он родился в 1897 г. в префектуре Ку-мамото. В 1912 г. отправился в Индокитай в поисках работы (прибыл — в 1913 г.). Первоначально он вращался в кругу японских проституток и сутенеров: в начале 1920-х гг. он стал владельцем публичного дома в Ханое, получившего известность как «японская гостиница» или «гостиница Мацуситы». В 1917 г. он поехал в Сайгон, где первоначально работал на компанию Мицуи Буссан. В 1922 г. основал в Ханое собственную фирму — Дайнан Коси, в 1928 г. головной офис этой компании был переведен в Сайгон. Вскоре были открыты отделения в Пномпене и Бангкоке. Существуют надежные улики, свидетельствующие о том,

что Дайнан Коси с самого начала своей деятельности являлась ширмой для деятельности разведслужб. Однако сам Маусита после войны отвергал свои связи с разведкой (подробнее см.: Meyers D., Tran My Van. The Crisis of the Eight Lunar Month. The Cao Dai, Prince Cuong De and the Japanese in 1937—1938 // International Journal of Asian and Pacific Studies. 2006. № 2).

²⁴ Marr D. G. Vietnamese Tradition on Trial, 1920—1945, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 1981. P. 118, 328—329, 397—398.

²⁵ Yoshizawa Minami. Sensō kakudai no kōzu — Nihon gun no «Futsuin shinchū». Aoki Shoten, Tōkyō, 1986. P. 238—240.

²⁶ Yoshizawa M. Sensō kakudai no kōzu... Op. cit. P. 240—241.

²⁷ Yoshizawa M. Sensō kakudai no kōzu... Op. cit. P. 244.

²⁸ Yoshizawa M. Sensō kakudai no kōzu... Op. cit. P. 240.

²⁹ Elsbree W. H. Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movements, 1940 to 1945. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1953. P. 24.

³⁰ Tonesson S. Op. cit. P. 1.

³¹ Yoshizawa M., Senso kakudai no kōzu... Op. cit. P. 241—242.

³² Ibid. P. 42—43.

³³ Ibid. Op. cit. P. 245—246.

³⁴ До конца сентября 1940 г. председателем миссии был генерал Сумита Райтиро, затем — генерал Нисихара.

³⁵ Futsuin gen shidō kikan to heiwa yūko ni kansuru kenden, JACAR (Ajia Rekishi Shiryo Senta) Ref. C04122353900, Showa15 nen, Riku Shi mitsu dainikki nr 37, 1 (Boeisho Boei Kenkyūjo).

³⁶ Tachikawa K. Dainiji sekai taisen. Op. cit. P. 68—70.

Н.В. Григорьева

«ДЕТИ ДРАКОНА И ФЕЙ»: РОЛЬ МИФИЧЕСКИХ ПРЕДКОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМЕ

В статье рассматриваются проблемы использования представлений о мифических предках для формирования национальной идентичности в процессе социализации детей в современном Вьетнаме. Анализируя интеллектуальную продукцию, предназначенную для детей (детские книги, фильмы, игры, школьные учебники и формы воспитательной работы с детьми вне школы), автор показывает, как формула «дети дракона и феи» используется для создания основ вьетнамской национальной идентичности в детском возрасте. Предпринята попытка анализа политических установок государства, касающихся стратегии социализации детей, успехов в осуществлении этого процесса и возможных угроз.

Ключевые слова: Вьетнам, национальная идентичность, социализация детей, мифология, этногенетический миф, культ предков.

The paper deals with the concept of the mythical ancestors and issues of national identity in the process of children's socialization in contemporary Vietnam. Educational products for kids such as books, cartoons, games, school teaching materials and different kinds of extracurricular activities are considered in terms of promoting the 'Children of the Dragon and the Fairy' idea which interprets the essence of national